

ПУШКИН И БАРАНТ

*Опыт реконструкции беседы
в салоне Фикельмонов 6 января 1837 года**

Пушкинисты, как правило, упоминают историка и дипломата, французского посла в России в 1835–1841 годах Амабля-Гийома-Проспера барона де Баранта (1782–1866) наряду с другими представителями новейшей французской исторической школы: Тьерри, Минье и проч., к которым Пушкин питал несомненный интерес¹. Кроме того, имя Баранта непременно называют авторы, исследующие историю защиты авторских прав в России, так как именно Баранту адресовано письмо Пушкина от 16 декабря 1836 года, характеризующее русские законы об авторском праве². Наконец, делались попытки сопоставить творчество двух авторов, отыскать в сочинениях Пушкина реминисценции из Барантовой «Истории герцогов Бургундских» (1824–1826)³. Что же касается

* Впервые: Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000.

1. См., например: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 96, 164; *Левкович Я. Л.* Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 172.

2. См.: *Meunieux A.* Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. P., 1966. P. 336, 573–576; *Шальман Е. С.* «План статьи о правах писателя» Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 6. С. 531–538.

3. См.: *Серман И. З.* Пушкин и новая школа историков (Пушкин и П. де Барант) // Рус. лит. 1993. № 2. С. 132–137. О Баранте как историке см.: *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956. С. 123–172; *Denis A.* Amable-Guillaume-Prosper Brugière baron de Barante (1782–1866). Homme politique, diplomate et historien. P., 2000. P. 321–324 (новейшая биография Баранта, исключительная обширность которой обратно пропорциональна концептуальности).

личных контактов Пушкина и Баранта, то отрывки из дневника А. И. Тургенева за январь 1837 года (самое полное свидетельство об этих контактах) известны с 1916 года, когда их впервые опубликовал П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина», однако они ни разу не были подробно откомментированы и проанализированы. Цель настоящей статьи — восполнить этот пробел.

Впрочем, прежде чем перейти к комментированию тургневских записей, следует коснуться еще двух практически неизвестных свидетельств о личных контактах Пушкина и Баранта. Одно из них принадлежит самому Баранту.

В его «Заметках о России» (записях, которые делались, по-видимому, еще во время пребывания дипломата в России, опубликованы же были лишь посмертно его зятем бароном де Нерво) содержится рассуждение, до сих пор не привлекавшее внимания пушкинистов. Приведя сначала весьма благоприятные сведения о положении крепостных крестьян в Российской империи, полученные от таких различных информаторов, как шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф⁴ и с 1810 года живущий в России французский генерал Потье⁵, Барант затем высказывает сомнения в существовании подобного социального мира между крестьянами и помещиками⁶ и фиксирует в своих заметках мнение противоположного свойства:

4. Бенкендорф уверял Баранта, что крепостные из его имения в Тамбовской губернии «довольны и счастливы» и так хотят принадлежать ему, Бенкендорфу, что «сами предложили ему увеличить оброк, лишь бы он отказался от намерения их продать» (*Barante P. Notes sur la Russie. P., 1875. P. 34, 36*).

5. Потье «нимало не сожалеет» об участи русских крестьян и «почитает их не только весьма счастливыми, но и вполне свободными» (*Barante P. Op. cit. P. 57*).

6. Он, в частности, подчеркивает отсутствие у крестьян социальных прав: «Некоторые крестьяне, зарабатывающие на жизнь ремеслами, нажили значительное состояние [...] однако официальными собственниками считаются помещики, которым они принадлежат» (*Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 44–45*). Ср. в другом месте рассуждение Баранта (явно учитывающего опыт Великой французской революции) об отсутствии прав у низших сословий как вероятном источнике грядущей революции в России: «Основная масса нации, ныне униженная и покорная, постепенно становясь богаче, просвещеннее, увереннее в себе, пожелает — причем, вполне обоснованно — для себя лучшего положения. В то же время правительство и высшие сословия общества будут упорно дер-

Каковы настроения крепостных крестьян и вообще низших сословий общества в этих обстоятельствах? Чувствуют ли они себя несчастными и угнетенными? Зреют ли в их груди недовольство и немая ненависть? Питают ли они тайные, инстинктивные мысли о бунте и мести? Наверное нам это не известно. Некоторые умные люди, чье воображение чересчур спешит приблизить будущее к настоящему, объаты страхом жакерии. Это, говорят они, единственная революция, какая может грозить России. Г-н Пушкин, поэт, написал историю пугачевского бунта, где изображает этот бунт именно с такой точки зрения, и я не раз слышал от него, что при определенных условиях резня может начаться снова. Восстание, происшедшее в 1831 году в военных поселениях, относилось, бесспорно, к явлениям того же порядка. Солдаты резали самых любимых своих офицеров, на которых не имели никаких оснований жаловаться, исключительно ради того, чтобы выполнить всеобщее намерение истребить представителей высшего сословия всех до единого. Впрочем, судя по внешней стороне жизни и речам большинства здравомыслящих людей, опасность отнюдь нельзя назвать неизбежной⁷.

Таким образом, очевидно, что намерение Баранта переводить «Капитанскую дочку», о котором мы знаем из дневника и писем А. И. Тургенева, объяснялось не только и не столько интересом французского дипломата к литературной новинке, достоинства которой он, по незнанию русского языка, не мог оценить в полной мере⁸, сколько тем обстоятельством, что в повести Пушкина изображен пугачевский бунт, т. е. затронута та самая тема крестьянских восстаний в России, которую Барант «не раз» обсуждал с Пушкиным. Если учесть, что «История Пугачева», которую упоминает Барант жаться за прежние различия, будут отказывать низшим сословиям в правах, теми уже давно заслуженных. Они пожелают сохранить старый порядок силой. Именно от этого и происходят революции. Чем теснее они связаны с переменами не власти, а самого общества, тем они ужаснее» (Ibid. P. 315).

7. *Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 47–48.*

8. Ср. в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову от 9 января 1837 г.: «Повесть Пушкина: “Капитанская дочь” так здесь прославилась, что Барант, не шутя, предлагал автору, при мне, перевести ее на франц[узский] с его помощью...» (*Тургенев А. И. Письма Булгаковым. М., 1939. С. 204.*)

в своей заметке, была воспринята современными читателями крайне холодно⁹, то можно сказать, что Барант был одним из редких собеседников Пушкина, склонных внимательно прислушиваться к его рассуждениям об угрозе, которую таит в себе крестьянский бунт¹⁰.

Другое свидетельство тесных интеллектуальных контактов Пушкина и Баранта содержится в дневниковой записи А. И. Тургенева от 7 (19) февраля 1838 года (Тургенев в это время находился в Париже): «...к Баранту: с ним о рукописях: он читал Пушкина экз[емпляр], но ни Mignet, ни Broglio, с коими говорил о них, не слышали о них. Думает, что их не печатают»¹¹. На следующий день, 8 (20) февраля, Тургенев пишет письмо Вяземскому, из которого следует, что рукопись, которую Пушкин дал для прочтения Баранту, не что иное, как записки Екатерины II:

Вчера был я у Баранта и спрашивал его, не слышал ли он чего о печатании записок Екат[ерины] II в Париже: он читал в П[етер]бурге пушкинский экз[емпляр] оных и здесь

9. См.: *Петрунина Н. Н.* Вокруг «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. С. 229–251.

10. Между прочим, страницы, посвященные Барантом в «Заметках о России» крестьянским восстаниям, позволяют сделать парадоксальный вывод о том, что Барант послужил посредником между Пушкиным и Астольфом де Кюстином, автором нашумевшей книги «Россия в 1839 году» (Р., 1843). Поскольку Барант специально подчеркивает, что русское правительство держит крестьянские восстания в секрете, а частные лица не любят о них говорить (*Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 298–299*), для Кюстина, который, по собственному признанию, вообще не общался в России ни с кем из русских, кроме горстки придворных, едва ли не единственным возможным источником информации об этих восстаниях мог быть сам Барант, что и подтверждается почти дословными совпадениями описания крестьянского бунта в Симбирской губернии, которое «по свежим следам» было сделано Барантом в «Заметках о России», и соответствующими страницами в книге Кюстина (см.: *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. 2-е изд. М., 2000. Т. 1. С. 368–369, 382–414, 619; Miltchina V. «La Russie en 1839» du marquis de Custine et ses sources contemporaines // Cahiers du monde russe. 2000. Т. 41, fasc. 1. P. 23–36*). Восстание в Симбирской губернии, о котором ведут речь Барант и Кюстин, произошло летом 1839 г., однако Барант услышал — по видимому, впервые — о подобных сценах три года назад от Пушкина, таким образом, сведения, полученные Кюстином от Баранта, косвенным образом восходят к Пушкину — о чем сам Кюстин, разумеется, не подозревал.

11. РО ИРЛИ. Ф. 309. № 318. Л. 26.

разговаривал с Дюком Броглио и с Mignet об этих записках, спросил их, слышали ли они о них? Ни тот ни другой в первый раз слышали от Баранта, что Екат[ерина] писала записки...¹²

Здесь не время и не место подробно говорить о причинах, заставивших Тургенева наводить справки о степени знакомства парижских литераторов с воспоминаниями русской императрицы¹³. Для нашей темы важнее другое: Пушкин дал Баранту для прочтения свой собственный экземпляр такого конфиденциального сочинения, как «Записки», что, безусловно, свидетельствует о большом доверии к французскому послу. Как мы скоро увидим, тема неопубликованных мемуаров великих людей занимала обоих, и Пушкина и Баранта, и неоднократно становилась предметом их бесед.

Собственно, об этих беседах нам известно не слишком много; им посвящены две дневниковые записи А. И. Тургенева и один пассаж из его письма к А. Я. Булгакову. Первая дневниковая запись относится к 6 января 1837 года, в этот день интересующие нас лица встретились в салоне австрийского посла в Петербурге графа Карла Людвиг Фикельмона (1777–1857)¹⁴. Тургенев пишет:

...в 10 час[ов] вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкин[ым], Барантом, кн[язем] Вязем[ски]м [...] Барант рассказывал о записках Талейрана, кои он читал, с глазу на глаз с Тал[ейраном], о

12. Там же. № 127. Л. 74–74 об.

13. Достаточно будет сказать, что в начале 1838 г. российские власти, испуганные слухом (как довольно скоро выяснилось, ложным) о том, что записки Екатерины скоро будут опубликованы в Париже, заподозрили Тургенева в причастности к этой публикации и приказали ему срочно выслать принадлежавший ему список в Россию, что он и сделал, одновременно, однако, принявшись опрашивать французских литераторов насчет достоверности известия о скором издании записок. О допечатной судьбе «Записок» Екатерины II см.: *Теребенникова Р. Е.* Копия «Записок» Екатерины из архива Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* 1966. Л., 1969. С. 8–22; *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века: От рукописи к книге. М., 1991. С. 212–214, 217–218; *Эйдельман Н. Я.* Свободное слово Герцена. М., 1999. С. 462–463; *Мильтчина В. А., Основат А. Л.* Пушкин и «Записки» Екатерины II // *Новые безделки.* М., 1995. С. 303–312.

14. Об отношении Баранта к Фикельмону см. его предисловие к кн.: *Pensées et réflexions morales et politiques du comte de Ficquelmont.* P., 1859.

первой его молодости и детстве. Много нежного, прекрасного, напоминающего les Confessions de Rousseau. В статье о Шуазеле, коего не любит Тал[ейран], много против Шуазеля. Шуазель дурно принял Талейрана и не любил его. Бакур будет издателем записок его. О Лудвиге 18, как редакторе писем и записок. Письмо к Дофину, отданное Деказу. О записках Екатер[ины], Потемкине. Письмо Монтескье по смерти Орлеанского. После Монтескье осталось много бумаг, они были у Лене, для разборки и издания; вероятно, возвращены внуку Монтескье, недавно умершему в Англии, и пропали [...] Вечер хоть бы в Париже! Барант предлагал Пушкину перевести Капитанскую дочь¹⁵.

Три дня спустя, 9 января, Тургенев описал тот же вечер в письме к московскому почтдиректору А. Я. Булгакову:

Два дня тому назад провели мы очаровательный вечер у австрийского посла: вечер этот напомнил мне собрания в самом тесном кругу в салонах парижских. Составился маленький кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра [Либермана] и вашего покорнейшего слуги. Мы *беседовали*, что в настоящее время редкость. Беседа была разнообразная, блестящая и чрезвычайно интересная, ибо Барант поведал нам занимательные подробности из жизни Талейрана и говорил о его мемуарах, коих читал он первые части; Вяз[емский] вносил свою лепту, и речи его были достойные самобытного его ума. Пушкин рассказывал анекдоты, черты из жизни Петра I и Екатерины II, да и я на сей раз не уступил этим корифеям салонов петербургских; однако подобные случаи редки; большая часть времени проходит в пируэтах¹⁶.

Без специальных разъяснений очевидно, что в тот вечер Барант в полной мере выказал то свойство своего таланта, о котором писал Кюстин:

Но какие же разнообразные беседы ведет наш посол! Какой острый у него ум — для делового человека даже чересчур острый — и какой урон понесла бы литература,

15. Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. 5-е изд. СПб., 1999. С. 265–266.

16. Тургенев А. И. Письма Булгаковым. С. 201; ориг. по-фр.

если бы время, отданное политике, не оборачивалось изучением жизни, плодами которого еще воспользуется когда-нибудь словесность!¹⁷

Однако подробность тургеневских записей дает возможность конкретизировать наши представления о Баранте-рассказчике

17. *Кюстин А. де*. Указ. соч. Т. 1. С. 201; ср. в письме Кюстина к г-же Рекамье от 3 сентября 1830 г. из Нижнего Новгорода: «Его [Баранта] любезный ум живо напомнил мне Францию доброго старого времени, а тонкость его замечаний делает разговор с ним о здешней жизни чрезвычайно любопытным» (цит. по: *Cadot M. L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. P., 1967. P. 221*). Объективности ради следует отметить, что не всегда петербургские собеседники Баранта оценивали общение с ним так же высоко; так, П. А. Вяземский с самого начала был разочарован тем, что новый французский посол «не говорлив, низкопоклонен, человек кабинетный, то есть учено-кабинетный, да и то знают это здесь по книгам, а изустно он себя никому не показывает или не выказывает» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 288—289); это письмо к А. И. Тургеневу было написано 24 января 1836 г., вскоре после приезда Баранта в Петербург; почти два года спустя, 7 ноября 1837 г., в письме к тому же адресату Вяземский уточнял свои ощущения: «Мне очень жаль, что я почти не воспользовался пребыванием здесь Баранта и мало сблизился с ним. Он очень учтив, но как-то мало клеек, да и слишком ввелся в петербургскую жизнь, то есть сблизился с людьми, которые его не понимают и во всяком случае не в состоянии оценить то, что он делал для сближения себя с ними. От них как от козлов не получил он ни шерсти, ни молока, а только себя вероятно *оголил* и *опорожнил* нравственно и умственно. Я уверен, что здесь потерял он несколько процентов своей интеллектуальности. А более всего, вероятно, в этом виновата дура жена его, которая сбивалась на мещанку во дворянстве и облеклась во всю пустоту петербургской спеси. Мне очень жаль Баранта, несмотря на промахи его. Вот в этом отношении как высоки были Карамзин и Дмитриев: ils étaient avant tout hommes de lettres [они были прежде всего литераторы — *фр.*] везде и всегда, куда ни переносила их судьба. Зато как умели они и в безграмотном своем обществе свято и ненарушимо поддерживать достоинство грамоты и заставлять даже и сильных мира сего поклоняться власти, которую они худо понимали. [...] боюсь, чтобы он [Барант] не подумал, что я был несколько холоден и невнимателен к нему, но привычки наши не сходились. Я часто видел, как он толковал с дураками и не морщился, а это на меня делает такое же действие, что видеть красавицу, которая ест свинину» (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4715. Л. 61—63). Однако этот отзыв Вяземского свидетельствует, по-видимому, не столько о недостатках Баранта, сколько о завышенности ожиданий Вяземского, которое и привело к разочарованию. Очевидно, что у Тургенева и, как можно предположить, у Пушкина, остались от общения с Барантом (во всяком случае, от беседы, состоявшейся 6 января 1837 г. в салоне Фикельмона) впечатления куда более благоприятные.

и реконструировать (в том, что касается тем, развитых Барантом) самый ход беседы, состоявшейся в салоне Фикельмона. Наиболее существенны, на наш взгляд, три сюжета.

1. Талейран и его мемуары

Мемуары Талейрана, о которых Барант рассказывал 6 января своим русским собеседникам, принадлежат к числу произведений, в течение многих лет интриговавших европейскую публику. Хотя они не были опубликованы, существование их не составляло ни для кого секрета; кроме того, в свете начиная с середины 1820-х годов распространялись их копии, достоверность которых, впрочем, оставалась под большим сомнением. Появление этих копий было связано со скандалом: в 1827 году секретарь Талейрана Габриэль Перре после 21 года службы у князя покинул его дом, прихватив с собой кое-какие бумаги, в том числе и мемуары, текст которых немедленно сделался известным светской публике. Талейран, впрочем, своего авторства не признавал, замечая, что «нынче в свете ходит около дюжины рукописей моих записок, одна глупее и фальшивее другой»¹⁸. Один из примеров обсуждения мемуаров Талейрана в европейском свете содержится в письме А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу из Парижа от 20 июня 1830 года:

Опять провел вечер у одной дамы, родом гречанки, с редактором «*Revue britannique*», и слушал его рассказы с большим любопытством. Он случайно читал записки Талейрана, коего секретарь и писец списал тайно для себя копию не только с полного экземпляра записок, но даже с вариантов, ибо по сие время было уже три издания или три редакции рукописей: первое было при Наполеоне и в смысле императорском, потом другое с переменами, в смысле совершенно аристократическом; третье и теперешнее в смысле либеральном. Талейран хочет выставить себя перед потомством великим гражданином, без предрассудков, всегда тайно доброжелательствовавшим гражданской и политической свободе,

18. См.: *Lacourt-Gayet G. Talleyrand. P., 1990. P. 1037–1039* (слова Талейрана взяты из его письма к г-же Жантиль де Шаваньяк от 26 августа 1827 г.). О допечатной судьбе мемуаров Талейрана см.: *Mémoires du prince de Talleyrand. P., 1891. T. 1. P. III–XXXII; T. 5. P. III–XVIII.*

другим Лафайетом, но дальновидным и применявшим действия свои к обстоятельствам, но всегда к пользе свободы. Так он себя высказывает *теперь*, и, вероятно, этот произвольный портрет уже он не переменит, ибо до его кончины главный характер века и главные черты тех, кои дают ему сей характер, не переменятся. Но секретарь его, оставивший Талейрана по неудовольствию, намерен издать со временем не только текст записок Талейрана, но и самые варианты. Я спросил, не помешают ли наследники? Но он имеет средства заставить их молчать...¹⁹

Между тем наследники Талейрана выполнили его волю, которая заключалась в том, чтобы опубликовать мемуары через 30 лет после смерти автора, а если в этот момент публикация покажется неуместной, то и позже²⁰. Свои распоряжения на сей счет Талейран отдал в завещании, написанном 1 октября 1836 года, так что в январе 1837 года, когда состоялся разговор в салоне Фикельмона, этот сюжет представлял собой свежайшую новость²¹, Барант же мог рассуждать на эту тему со знанием дела, поскольку уже много лет был другом, политическим союзником и корреспондентом Талейрана²² и имел возможность познакомиться с некоторыми фраг-

19. РО ИРЛИ. Ф. 309. № 314. Л. 92.

20. Текст этого завещания см.: *Mémoires du prince de Talleyrand*. P., 1891. Т. 1. P. III—V. После смерти герцогини де Дино, многолетней возлюбленной Талейрана (и жены его племянника), бумаги князя перешли к его секретарю, дипломату Адольфу де Фурье де Бакуру (1801—1865), а затем к его душеприказчикам, изданы же они были позже, в 1891—1892 гг.

21. Тургенев, в частности, беседовал в этот период о Талейране не только с Барантом. Ср. в его дневниковой записи от 3 января: «...у князя А. Н. [Голицына], много о Талейране и о пр.» (*Щеголев П. Е. Указ. соч.* С. 265), а с Барантом вновь вернулся к разговору о Талейране через день, 8 января: «Был у Хитровой [...] Там с Барантом [...] оянь о Тальер[ане]» (Там же. С. 266).

22. Полтора года спустя, накануне смерти Талейрана, Барант не случайно оказался в числе пяти самых близких друзей, присутствовавших при подписании князем окончательного варианта завещания, в котором он отрекался от своего безбожного прошлого (см.: *La Conversion et la mort de M. de Talleyrand, récit de l'un des cinq témoins, le baron de Barante, recueilli par son petit-fils le baron de Nervo*. P., 1910). Именно Барант 8 июня 1838 г. произнес в Палате пэров речь, посвященную памяти покойного (см.: *Chambre des Paris, séance du 8 juin 1838. Discours prononcé par le baron de Barante, à l'occasion du décès de M. le prince de Talleyrand*. P. 1838; рус. пер.: *Сын отечества*. 1839. Т. VII. С. 1—15).

ментами мемуаров князя²³. Если вспомнить, что, судя по записи Тургенева, в ходе той же беседы 6 января 1837 года речь шла и о записках Екатерины²⁴, то становится возможным выделить первую сквозную тему разговора — неизданные мемуары (и вообще неизданные сочинения) великих людей (см. ниже о письмах Людовика XVIII и Монтескье, которые к моменту, когда происходил разговор, также не были опубликованы)²⁵.

Упоминание же части записок, посвященной Шуазелю (в издании 1891—1892 годов она напечатана в последнем томе в качестве приложения), позволяет предположить, что в том же разговоре присутствовала и другая, может быть, даже еще более важная сквозная тема — ответственность монархов и политических деятелей за судьбу страны и подданных.

Дело в том, что о своем общении с герцогом де Шуазелем (1719—1785), министром иностранных дел в 1758—1770 годах, Талейран говорит в записках весьма скупно, зато самым подробным образом характеризует его внешнюю и внутрен-

23. Так, оказавшись в 1826 г. в замке Талейрана Валансе, он прочел главу, посвященную эрфуртской встрече Наполеона и Александра I, и с удивлением заметил, что, «если верить запискам, г-н де Талейран вовсе не предавал ни Наполеона, ни Александра. Он давал советы тому и другому, с тем чтобы восстановить мир в Европе... Г-н де Талейран, нимало не смущенный той ролью, которую он играл во время этого эрфуртского свидания, подумывал даже о том, чтобы опубликовать эти строки при жизни» (*Barante P. de. Souvenirs. P., 1890. T. 1. P. 282*); упомянутый фрагмент впервые был напечатан вместе со всем текстом мемуаров Талейрана в 1891 г.

24. Между прочим, упомянутые в разговоре «нежные, прекрасные» страницы мемуаров Талейрана могли быть поставлены в параллель к началу записок Екатерины в том отношении, что в обоих текстах описывались страдания, которые люди, сделавшиеся в дальнейшем могущественными и всевластными, претерпевали в ранней юности оттого, что родственники приносили их в жертву интересам «семьи»: Талейрана родители отдали в семинарию, хотя никакого желания идти по духовной части он не испытывал, Екатерину выдали замуж за «урода».

25. Этот «исторический» уклон отличает разговор 6 января от других бесед, которые вели в этот период Тургенев и Барант и которые, судя по тургеневским дневниковым записям, были посвящены преимущественно современной политической жизни Франции: «у меня сидел Барант: о короле и о Франции» (5 декабря 1836 г.); «с Барантом о Париже» (6 декабря 1836 г.); «разговор с франц[узским] послом о Гизо, о балах в Тюльери, о Ламене...» (26 декабря 1836 г.). Цит. по.: *Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 257, 258, 263.*

нюю политику, причем если действия Шуазеля в бытность его министром Талейран оценивает по-разному (иногда критически, иногда одобрительно), то поведение его после отставки, которое описано в финале очерка, вызывает у Талейрана безоговорочное осуждение. Ничто не мешает нам предположить, что резюме Тургенева («Много против Шуазеля») относится именно к этим страницам талейрановского очерка. Страницы же эти посвящены прежде всего взаимоотношениям общества и власти:

Отставка г-на де Шуазеля была вовсе не похожа на отставку других министров Людовика XV. Министры, впадшие в немилость прежде г-на де Шуазеля, могли рассчитывать на утешения и изъявления привязанности и благодарности только от своих родственников. [...] Никто не осмеливался произносить их имя в присутствии короля, который охотно принимал это всеобщее молчание за всеобщее одобрение принятого им решения. С г-ном де Шуазелем все обстояло иначе. В течение его долгого правления хорошим тоном сделалось угождать не столько королю, сколько министру. [...] Несколько друзей г-на де Шуазеля [...] дерзнули испросить дозволения навестить его в Шантелу. [...] Затем нашлись дамы, которые отправились в Шантелу без разрешения; другие дамы, а затем и кавалеры, не связанные с двором узами службы, последовали их примеру. В результате Шантелу наполнилось толпою посетителей, и там образовался новый двор, который, казалось, мог соперничать с двором версальским. [...] Тут-то и возникла мода на неповиновение, разрушившая могущество власти. [...] Дело дошло до того, что в садах Шантелу возвели пирамиду, на которой люди, отдавшие дань почтения модному изгнаннику, запечатлели, движимые тщеславием, свои имена, и если мы примем во внимание, что через двадцать лет те же самые имена вошли в знаменитый список эмигрантов, то скорее всего придем к выводу, что действия французской знати той поры отличались немалым легкомыслием, а суждения — немалой несправедливостью. [...] Г-н де Шуазель не понял, что при абсолютной монархии этот критический дух, не имеющий законного выхода, становится существеннейшим источником беспорядка. Революция, которую столь долго готовили все те, которые могли бы и должны были бы ее

предупредить, — страшное тому доказательство. Генрих IV — последний из наших королей, который умел при необходимости не только уступить, но и оказывать сопротивление²⁶.

2. Письмо Людовика XVIII к дофину

Скорее всего, в данном случае имелся в виду текст, известный под названием «Обязанности короля», который граф Прованский, будущий Людовик XVIII, написал в 1797 году, в бытность свою в Митаве, и адресовал своему племяннику герцогу Ангулемскому, получившему титул дофина в 1824 году, после смерти дяди-короля (таким образом, именование его дофином применительно к 1797 году представляет собой анахронизм — впрочем, вполне объяснимый). В письме, которое современные исследователи называют свидетельством «величайшей привязанности Людовика XVIII к старинным порядкам» и «законченным манифестом консерватизма»²⁷, будущий король подтверждает свою верность старинным, до-революционным установлениям, в которых видит воплощение французского духа, и косвенно критикует своего покойного брата Людовика XVI за чрезмерную мягкотелость (ср. в финале приведенного выше фрагмента из очерка о Талейране похвалу королям, «которые умеют при необходимости не только уступить, но и оказывать сопротивление»):

Самая большая опасность из всех, какие подстерегают добродетельного короля, это желание из самых добрых побуждений вводить новшества. Нельзя не согласиться, что это весьма соблазнительно и что, видя в своей стране установления, которые представляются порочными, а в чужих странах — установления, которые не только сами по себе представляются полезными, но и хорошо себя зарекомендовали за многие годы своего существования, трудно удержаться от желания отменить первые и ввести вторые. Однако прежде, чем на это решиться, следует задать

26 *Mémoires du prince de Talleyrand*. P., 1892. T. 5. P. 586–591. Эта же самая тематика, безусловно, интересовавшая не только Баранта, но и Пушкина, по всей вероятности была затронута и при обсуждении следующего сюжета.

27 *Mansel Ph. Louis XVIII*. P., 1982. P. 127–128; *Lever E. Louis XVIII*. P., 1988. P. 241.

себе несколько вопросов, и если хотя бы на один из них вы не сможете ответить утвердительно, вы обязаны найти в себе силы отказаться от своего намерения.

Вот эти вопросы:

Дурно ли по своей сущности установление, которое я собираюсь отменить?

Хорошо ли по своей сущности то установление, которое я собираюсь ввести вместо отмененного?

Соответствует ли первое установление, будь оно даже дурно, духу нации?

Не противоречит ли этому духу второе установление?

Имею ли я право изменять основные законы своей страны?

Если я имею это право, стоят ли подобные перемены тех опасностей, коими они чреваты?²⁸

Редакторы газеты «Страницы истории» предварили публикацию справедливой ремаркой: «Если вспомнить, что государь, написавший эти строки, пятнадцать лет спустя даровал французам Хартию 1814 года, следует признать, что возраст и опытность сильно переменили его взгляды на государственное управление»²⁹. В самом деле, став королем не только *de jure*, но и *de facto*, Людовик XVIII счел, что «имеет право изменять основные законы своей страны», и сделал это. И если он передал текст, написанный без малого два десятка лет назад, своему любимцу Эли Деказу (1780—1860), министру полиции (1815—1818), министру иностранных дел (1818—1819) и главе кабинета (1819—1820), занимавшему относительно либеральную позицию³⁰, то жест этот можно истолковать двояко — с одной стороны, как признание короля в том, что он, несмотря ни на что, не изменил своим старинным убеждениям, с другой — как свидетельство отказа от прежних, консервативных взглядов и желания быть на уровне новой эпохи. В любом случае не подлежит сомнению, что письмо об «обязанностях короля» логически продолжает

28. *Les Feuilles d'histoire*. 1909. 1 septembre. P. 229—230 (первая публикация).

29. *Ibid.* P. 221.

30. См. о нем: *Daudet E.* Louis XVIII et le duc Decazes, 1815—1820. P., 1899; *Langeron R.* Decazes, ministre du roi. P., 1960; *Yvert B.* Decazes et la politique du juste-milieu // *Colloque Revolution und gegenrevolution*. Oldenburg, 1991; *Waresquiel E. de, Yvert B.* Histoire de la Restauration, 1814—1830. P., 1996. P. 257—294.

предыдущую тему разговора 6 января 1837 года (записки Талейрана и его очерк о Шуазеле) — в данном случае речь также идет о неизданном тексте знаменитого исторического лица и о том, как обязаны себя вести люди, наделенные властью, чтобы уберечь свою страну от потрясений.

Что же касается источника, откуда об этом неизданном тексте мог знать Барант, то им скорее всего был сам Деказ, во второй половине 1810-х годов политический союзник и близкий друг пушкинского собеседника³¹. Деказ мог рассказать Баранту и о «Лудвиге 18 как редакторе писем и записок»: послания короля к своему фавориту, опубликованные в конце прошлого столетия Эрнестом Доде, подтверждают репутацию короля как знатока старинной литературы, который охотно уснащал свои речи пришедшей на память цитатой (из самых разных произведений, от латинских поэтов до «Дон Кихота Сервантеса») или историческим анекдотом³², но, отпуская шуточки, ни на минуту не утрачивал «сознания своих королевских прав и, неустанно стремясь подтвердить свою солидарность со всеми своими предшественниками, не снимал с себя ответственности за все, что было сделано в предыдущие царствования»³³. В этом отношении весьма многозначительна цитата из «Дюсисовой трагедии “Гамлет”», поставленная Людовиком XVIII перед письмом к дофину в качестве эпиграфа:

Nos mains se sècheraient en touchant la couronne,
Si nous savions, mon fils, à quel prix Dieu la donne.
Vivant, du rang suprême on sent mal le fardeau,
Mais qu'un sceptre est pesant quand on entre au tombeau!³⁴

31. «Дружеские отношения, связывавшие меня с г-ном Деказом, были, пожалуй, более тесными, более личными, чем у всех прочих» (*Barante P. Souvenirs. P., 1892. T. 2. P. 348*).

32. Ср.: «Людовик XVIII всегда любил литературу и чтение, а эта любовь всегда предполагает известную терпимость в сфере идей. Он знает наизусть сочинения многих латинских авторов, в особенности Горация, чья проповедь умеренности, впрочем, близка его характеру» (*Козловский П. Б. Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. М., 1997. С. 20*).

33. *Daudet E. Op. cit. P. 325*.

34. *Les Feuilles d'histoire. 1909. 1 septembre. P. 221*. Перевод: «Наши руки иссохли бы от первого же прикосновения к короне, / Знай мы, сын мой, какой ценой Господь нам ее дарует. / Пока мы живы, мы не ощущаем всей тяжести скипетра, / Но как же много он весит, когда мы сходим в могилу!»

Наконец, третий сюжет беседы в салоне Фикельмона также связан с неизданным текстом прославленного автора и также посвящен «обязанностям короля».

3. «Письмо Монтескье по смерти Орлеанского»

Здесь, как нам кажется, речь идет о письме от 1 января 1724 года к графу де Балклею (Bulkeley), впервые опубликованном лишь в 1914 году. В нем Монтескье, среди прочего, пишет:

Смерть г-на герцога Орлеанского впервые в жизни заставила меня сожалеть о кончине государя. Было в нем некое свойство, которое я не могу выразить по-французски, Тацит же называл его *imperii facilitatem*³⁵; если уж суждено нам иметь государей, следовало бы им всем быть такими, как этот. Мне только что сказали о нем одну вещь, приведшую меня в восторг; когда Лагранж, тем одним и прославившийся, что сочинял против него филиппики³⁶, сбежал с острова Святой Маргариты, Регент тотчас приказал отослать ему пожитки и небольшую сумму денег, которые он там оставил, и запретил его преследовать. Людовик XIV посадил бы его в железную клетку и повелел бы разыскивать его по всей Голландии³⁷.

35. Монтескье цитирует Тацита по памяти, искажая не только само цитируемое словосочетание, но и вкладываемый в него смысл. Тацит в «Анналах» (11, 28) говорит, применительно к Клавдию, о *facilitas imperatoris* — податливости императора, которая, как надеялись заговорщики, позволит им покончить с Мессалиной, однако Тацит этим свойством Клавдия отнюдь не восхищается; вообще *facilitas* правителей у Тацита это чаще всего беспечность, готовность покрыть преступление или пойти на него, иначе говоря, качества отрицательные (сердечно благодарю за эти сведения Н. В. Брагинскую).

36. Драматург Франсуа-Жозеф де Лагранж-Шансель (1667–1758) сочинил против герцога Орлеанского три филиппики (сатирических стихотворения), в которых, среди прочего, обвинил Регента в намерении отравить малолетнего короля Людовика XV. Рукописные копии этих стихов начали распространяться в феврале 1719 г., после чего их автор был арестован и выслан на остров Святой Маргариты (остров в Средиземном море, где во времена кардинала Ришелье была построена крепость, служившая тюрьмой), откуда спасся бегством 26 марта 1722 г. и добрался до Голландии, где сочинил еще две филиппики и издал их вместе с тремя предыдущими.

37. *Montesquieu Ch. de. Correspondance. P., 1914. T. 1. P. 46.*

Вообще Филипп II, герцог Орлеанский (1674–1723), регент Франции в 1715–1723 годах, запомнился современникам скорее оргиями и развратом, чем милосердием, однако Монтескье считал нужным подчеркнуть в характере покойного государя именно эту черту, что, по-видимому, должно было особенно заинтересовать Пушкина, как известно, много размышлявшего над соотношением милости и правосудия³⁸. Судя по записи Тургенева, Барант не только пересказал своим русским собеседникам содержание письма Монтескье, но и объяснил, каким образом сам он получил возможность с ним познакомиться.

Дело в том, что сын Монтескье, Жан-Батист де Секонда, заботясь о сохранности неизданных рукописей отца, передал большую их часть виконту Луи-Жоашену Лене (1767–1835), впоследствии министру внутренних дел в кабинете Ришелье (1816–1818)³⁹. После Революции рукописи хранились у внуков Монтескье; в 1818 году внук Монтескье Шарль-Луи увез принадлежавшую ему часть в Англию; в 1824 году он умер, и бумаги перешли по наследству к его племяннику Просперу, а тот, привезя архив из Англии во Францию, вновь отдал его Лене, с тем чтобы последний подготовил публикацию неизданных текстов Монтескье; наконец, после смерти Лене бумаги вновь вернулись в родовое имение Монтескье Ла Бред⁴⁰. Для нас во всей этой истории существенно

38. См.: *Лотман Ю. М.* Идеиная структура «Капитанской дочки»; Идеиная структура поэмы Пушкина «Анджело» // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. С. 212–227, 237–252; *Осват А. Л.* К источникам пушкинской темы «милость – правосудие» // Полвтротош: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 591–595; *Неклюдова М. С.* «Милость правосудия»: О французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. 2. Тарту, 2000. С. 204–215. Заметим, что тема милосердия как истинно королевского свойства присутствует также и в упоминавшемся выше письме Людовика XVIII к дофину: «Есть ли на свете что-нибудь более приятное, нежели возможность прощать? Есть ли привилегия более прекрасная, нежели возможность даровать, так сказать, второе рождение себе подобному? Привилегия эта сближает королей с самим Господом» (*Les Feuilles d'histoire*. 1909. 1 septembre. P. 225).

39. Ср. упоминание этого «мужа доблестного и красноречивого, сохранившего всеобщее уважение даже и в отдалении от дел», в финале речи Вильмена, воспроизведенной в статье Пушкина «Французская академия» (1836).

40. См.: *Teisseyre Ch.* Les publications des inédits de Montesquieu au XIX et au XX siècles // *Revue d'histoire du livre*. 1999. № 102/103. P. 157–158.

то, что в течение двух более или менее продолжительных периодов бумаги Монтескье находились у Лене, который имел возможность с ними познакомиться и даже готовил их к печати; между тем Лене, так же как и Деказ, входил (особенно в конце 1810-х годов) в число друзей Баранта и вполне мог рассказать ему о содержании архива великого философа XVIII века.

Итак, три французских сюжета, затронутых Барантом в беседе с Пушкиным, Вяземским, Тургеневым 6 января 1837 года, связаны одним лейтмотивом: всякий раз речь шла о неизданных текстах великих людей, и всякий раз тексты эти так или иначе касались ответственности власть имущих за судьбу страны; Баранта интересовало — и этот интерес безусловно разделял с ним Пушкин, — как должен вести себя монарх или представитель высшего сословия, чтобы уберечь свое отечество от революционных катаклизмов⁴¹. Но мало того, сама форма, в которой Барант излагал своим русским собеседникам эпизоды из недавней истории Франции, наверняка импонировала Пушкину; это были те самые исторические анекдоты, которые он так ценил и которые — пользуясь, естественно, преимущественно русским материалом, — собирал в пачку под названием «Table-Talk».

Это последнее обстоятельство хорошо видно по другому устному рассказу Баранта, также запечатленному в дневнике А. И. Тургенева, причем в более подробной форме. В записи от 15 января 1837 года Тургенев рассказывает о своем общении с французским послом на балу у Вяземского:

41. Барант, в эпоху Реставрации член либеральной оппозиции, при Июльской монархии представитель партии «Золотой середины», был убежденным врагом революционных катаклизмов, причем вину за подобные происшествия он возлагал не только на простолюдинов — непосредственных творцов революций, — но и на высшие сословия, доводящие народ до бунта своей неразумной политикой. «Хотел бы я, — писал Барант к графу де Монлозье 15 декабря 1814 г., — чтобы, когда лживые комплименты и пошлые похвалы наконец исчерпаются, кто-нибудь произнес с трибуны или напечатал в газете следующую мысль, которая и составляет самую суть вопроса об эмигрантах: “Вы покинули Францию, потому что оказались самыми слабыми; разве с тех пор вы сделали сильнее? Отчего произошла революция — оттого, что этого хотели простолюдины, или оттого, что Франция пришла в полный упадок? [...] А раз так, сидите тихо и не дразните могучего тигра, именуемого народом”» (*Barante P. de. Souvenirs. T. 2. P. 95*).

Барант о Benj[amin] Constant и его характере; хотел занимать душу сильными ощущениями и для того якобинствовал. Письма его после 100 jours к Лудвигу 18. Прекрасно, увлекательно и — подействовало на Лудвига; он вычернил имя его из реестра ссылаемых. Барант подошел к нему и сказал que sa lettre a persuadé Louis. «Elle m'a presque persuadé moi-même», — отвечал Constant⁴².

Прочитированный фрагмент особенно ценен тем, что позволяет удостовериться в абсолютной, почти стенографической точности тургеневских записей. Дело в том, что в своих воспоминаниях сам Барант также рассказал о том, как Констан, который во время Ста дней активно сотрудничал с Наполеоном, а в начале Второй Реставрации был включен за это в список людей, подлежащих высылке из Франции, написал оправдательное письмо и через Деказа, в эту пору префекта полиции, передал его Людовику XVIII:

Письмо это было так изобретательно, так прекрасно, что король по-настоящему растрогался и собственноручно вычеркнул имя г-на Констан из списка. Несколько дней спустя я встретил этого последнего и, заверив, что рад столь счастливому исходу дела, похвалил сочиненное им письмо. «Вы убедили короля», — сказал я ему. — «Охотно верю, ведь я почти убедил и самого себя»⁴³.

В воспоминаниях Баранта есть и другие характеристики Констана, развивающие тему «сильных ощущений» и противоречивого темперамента писателя:

Речи его были остроумны, убедительны, опасны для противников, однако они ни у кого не создавали ощущения, что произносящий их имеет выношенные, искренние убежде-

42. Цит. по.: *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 268. Перевод французских слов: «...что его письмо убедило Людовика. — “Оно почти убедило и меня самого”».

43. *Barante P. de.* Souvenirs. Т. 2. Р. 190—191. Об обстоятельствах перехода Констана на сторону Наполеона при Ста днях см.: *Ibid.* Р. 125—129; *Daudet E.* *Op. cit.* Р. 68—69; о положении Констана в начале Второй Реставрации см. также: *Bastid P.* Benjamin Constant et sa doctrine. Р., 1966. Т. 1. Р. 293—294. Барант был знаком с Констаном с середины 1800-х годов, в это время они общались преимущественно в Коппе, швейцарском замке г-жи де Сталь. Об их первой встрече см.: *Barante P. de.* Souvenirs. Т. 1. Р. 160—163.

ния. Деловая практика, опытность, приобретаемая благодаря службе в правительственном учреждении, в адвокатской конторе, в суде, отсутствовали у него полностью, и на лице у него было написано, что он литератор, а это обычно вызывает в собраниях предубеждения самые неблагоприятные. Пыл его, взращенный духом партий, был силен, но не правдив. Он это знал; знали об этом и другие. Политика одушевляла его жизнь, заставляла биться пресыщенное сердце, действовала на него, как азартные игры, которые он по-прежнему любил и в которых по-прежнему нуждался. Он затевал в палате и газетах процессы, дуэли, споры. Благодаря всему этому он не ведал ни пустоты, ни скуки, но вел существование лихорадочное. Впрочем, несмотря на беспокойную жизнь, ум его оставался свободен, независим и погружен в созерцание самого себя. Более скептический, чем когда-либо, — что его не столько успокаивало, сколько мучило, — он по доброй воле ввязывался в самые страстные споры. «Я в ярости! а впрочем, мне это безразлично», — вот фраза, рисующая его сполна⁴⁴.

Мы не можем утверждать наверняка, что Пушкин слышал рассказы Баранта о Констане в доме Вяземского 15 января 1837 года (в тот вечер его больше волновало присутствие на балу Дантеса с молодой женой⁴⁵), однако если слышал, то наверняка увлекся не только предметом разговора⁴⁶, но и формой исторических анекдотов, в которую этот разговор был облечен⁴⁷.

44. *Barante P. de. Souvenirs*. Т. 2. Р. 312–313. См. также письмо Баранта к жене от 15 мая 1815 года: «Я долго беседовал с Констаном, он добрый малый, терпеливо выслушивает все, что ему говорят, и, следуя обычной своей методе, кажется, насмехается над тем делом, которое отставляет. Он пересказывает статьи из “*Moniteur*” и сам же первый над ними хохочет» (*Ibid.* Р. 146) или фразу Баранта о постаревшем Констане, которую приводит в своих воспоминаниях Шарля де Ремюза: «Это шлюха, которая когда-то была очень хорошенькой, а теперь кончает жизнь в больнице» (*Rémusat Ch. de. Mémoires de ma vie*. Р., 1959. Т. 2. Р. 422).

45. См.: *Абрамович С. А.* Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994. С. 251.

46. Об интересе Пушкина к Констану см.: *Ахматова А. А.* О Пушкине. М., 1989. С. 51–89.

47. Ср. в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову от 16 января 1837 г. о бале у Вяземского: «Барант пленял нас своей тихою, классическою разговорностью (*causerie*), оживотворяя ее анекдотами» (*Тургенев А. И.* Письма Булгаковым. С. 205).

Известно, что Пушкин, по не зависящим от него причинам так и не сумевший побывать в Европе, в последние годы жизни особенно дорожил общением с просвещенными космополитами, знавшими европейскую ученость и «общежительность» не только по книгам, но и по личному опыту, — такими, как А. И. Тургенев и П. Б. Козловский. Реконструкция предполагаемых тем, которые обсуждал в беседах с Пушкиным Барант (крестьянский вопрос, неизданные записки Екатерины и Талейрана, ответственность монархов за судьбы страны и способы избежать революций), дают основания предполагать, что в число таких близких и высоко ценимых собеседников-европейцев входил в последние месяцы жизни поэта и барон Проспер де Барант⁴⁸.

48. Со своей стороны и Барант, судя по всему, умел оценить талант Пушкина и масштабы потери, которую нанесла его смерть. Даже скептический Вяземский в цитированном выше письме к А. И. Тургеневу отмечал: «Чем поддержал Барант свое неотъемлемое и не заимствованное достоинство во все время пребывания его в Петербурге? Ничем, за исключением живого участия, которое он оказал в горе нашем о Пушкине» (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4715. Л. 62); ту же исключительность скорби Баранта засвидетельствовали и другие очевидцы. См., например, в письме А. И. Тургенева к кузине А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 г.: «Посол французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П[ушкине] жалели, сказал: Барант и Геррера sont les seuls Russes dans tout cela! [в этом случае единственные русские — *фр.*]» (Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 215; Геррера, а точнее Геррейра — португальский посланник) и в письме Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г.: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы, потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью *собственной* и о *нашем* Пушкине пожалел, как будто о *своем*» (Там же. Т. 2. С. 433).

Вера Мильчина

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

ДИПЛОМАТЫ
ЛИТЕРАТОРЫ
ШПИОНЫ

Санкт-Петербург
«ГИПЕРИОН»
2006